

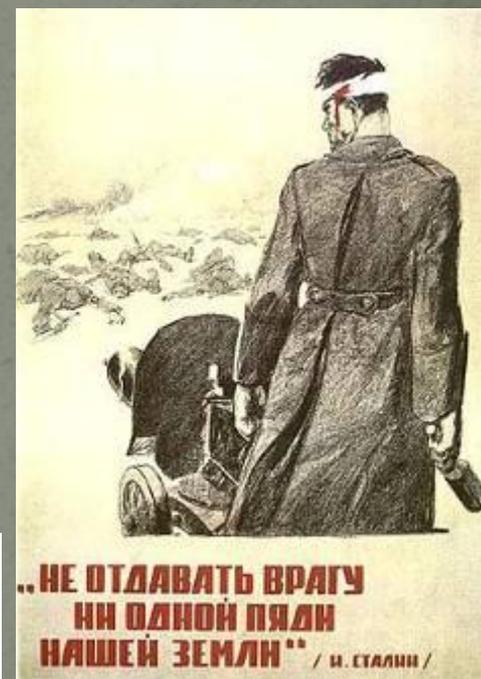
И книга тоже воевала...

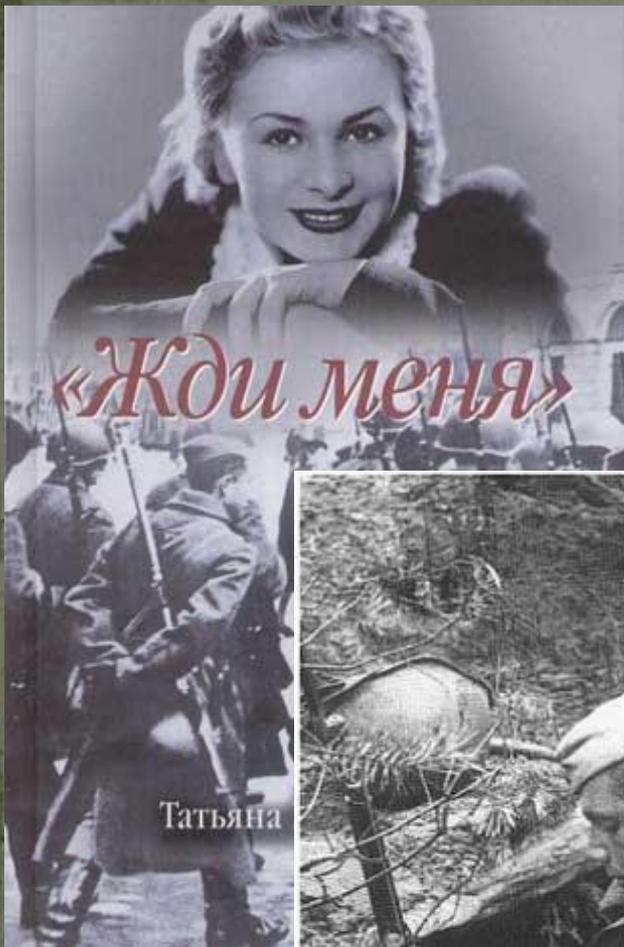

«Когда гремит оружие, музы не молчат»

Печатное слово, и особенно поэтическое, явилось весомым и необходимым условием Победы. Накануне и в начале Второй мировой войны появилось немало произведений, повествующих о героической истории русского народа, наполненных призывами к боевой готовности, бдительности.

После нападения Германии на СССР проникновенные, страстные выступления писателей и журналистов, фильмы, песни, плакаты оказывали огромное эмоциональное воздействие на людей, поднимая их на борьбу с захватчиками. Духовная жизнь страны была подчинена главной цели – достижению победы над Германией.

Широкую популярность на фронте и в тылу завоевали стихи К. Симонова «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины», «Родина», «Сын артиллериста...» и др.

«Есть у Симонова стихи, которые солдаты и офицеры носят у себя на груди., - писал Н. Тихонов, - носят потому, что строки эти отвечают тому, что у них на сердце». Сотни тысяч раз было переписано на фронте стихотворение «Жди меня, и я вернусь».

Более тысячи поэтов и писателей, журналистов побывали на фронте, около четырехсот из них погибли, 21 из них получили звание Героя Советского Союза.

Военными корреспондентами стали крупнейшие литературные таланты России:

М. Шолохов, К. Симонов,
А. Твардовский, А. Толстой, А. Фадеев,
Н. Тихонов, И. Эренбург, Л. Соболев,
Л. Леонов, Вс. Вишневский, Б. Горбатов,
В. Кожевников и многие другие.

Среди поэтов, писавших о войне, выделяются имена А. Суркова, П. Антокольского, С. Маршак, А. Твардовского, М. Алигер, И. Сельвинского, Е. Долматовского, П. Тычины, М. Рыльского, А. Кулешова, О. Берггольц и многих других.

В холодный день
с продымленным закатом
У отвоеванной тропы лесной
Мы хоронили русского солдата
Под черною, обугленной сосной.
Рушник холщовый у него нашли мы
С каймой из вышитых
нарядных петухов,
А в рушнике — заботливо хранимый
Потертый томик пушкинских стихов.
Потом в кругу,
скупым огнем согреты,
Сушили мы шинели у костра,
И кто-то протянул мне томик этот:
— А ну-ка,
почитай-ка нам, сестра!...
Чужой закат лучи бросал косые,
Земле чужой, казалось, нет конца.
А с нами здесь была сама Россия
В бессмертной музе русского певца.

- Неизвестный автор
1944, Восточная Пруссия

В вещмешках советских солдат рядом с нехитрыми пожитками лежали томики А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого и других замечательных русских писателей и поэтов. Судьбы книг складывались по-разному: одни из них были спасены бойцами и офицерами, другие сами спасали солдат от гибели.

Как никогда ранее оказалась востребованной поэзия: стихи печатали все газеты, начиная с «Правды». Редактор «Красной Звезды» вспоминал: «На фронте стихи пользуются всеобщей любовью. Их не только читают, заучивают и потом декламируют в блиндажах и землянках. Их сами фронтовики превращают в боевые песни, используя готовые популярные мотивы. И сами же порой пробуют сочинять стихи, пусть несовершенные, зато искренние, по-своему трогательные... Удивительное дело: завтра идти в смертельный бой, кругом льется кровь, погибают один за другим товарищи, друзья, а человек думает о стихах, читает их и, как может, сам сочиняет».

Многие стихи и песни военных лет стали частью духовной жизни страны.

Командир танка старший лейтенант В.Г. Бондуревский и старшина М.Е. Голенко за чтением газеты. Западный фронт, 116-я танковая бригада, апрель 1942 года

Катюша

Советская песенка на русский лад

Рассказали об этом в труни,
 Бойкий мир смеется в цветку,
 Выходила на берег Катюша
 И держала вальсичко в руках.

На притоне Кате прочтала
 От друга розного писанцо,
 И от счастья жаром залило
 У Катюши все ее тело.

Над писаном слышалась голоски,
 Кате лава от букв по отквеса —
 Ах, он бросил ряд свои танкову
 И решил он в пендам перейти!..

«Для чего терять?» — писал он, — куда,
 Прогнать их прои не-за кого?
 Нам война за нас командуют,
 Сталки нас оставил без воюю.

Нашей кровью мы зима Маркса зима,
 Немцы же несут нам, русским, Русь.
 Врому коммюнаре — ну, их и пенки!
 И в тебе, Катюша, и вернусь!»

Писанцо Катюша прочтала,
 И на сердце стало сладко ей.

И в улыбкой Кате прощались
 «Возвращайся, милый, поскорей!

Жду тебя неслыханно издал,
 Ночь на них работать станешь ты,
 Жду и в тебе для дней советских,
 Без дождя, сна и писанки.

Чуть похвост коммуну ужасный,
 Возвратятся русо. И вал народ,
 И над нашей родной кровью
 Солнц нашей радости засветит!

Заведет ми дом свой и лесу
 И добро ми будем писанки,
 А уж как любить тебя и буду,
 Невозможно даже рассказать!..

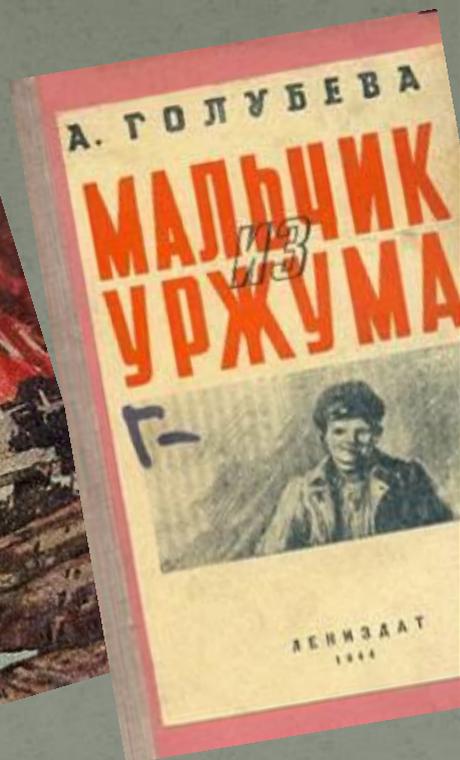
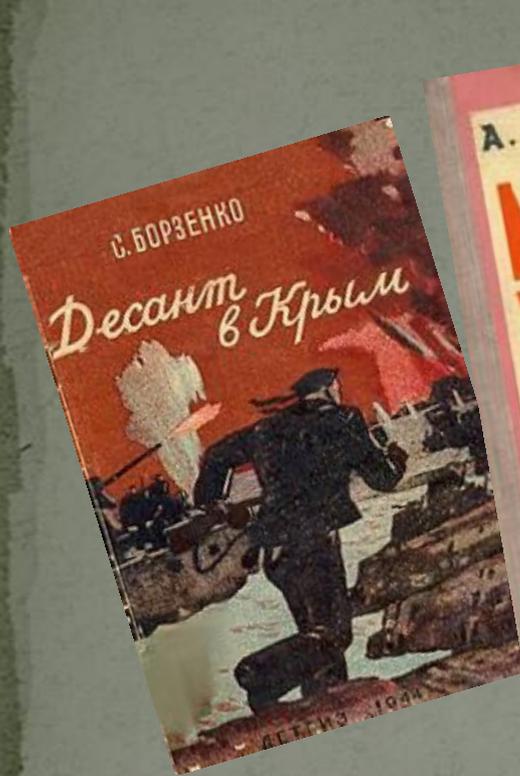
И склони на груди и тебе голову,
 А потом Бог даст нам и детей,
 Так бросай же, милый мой, танкову,
 Возвращайся и Кате поскорей!..

Рассказали об этом в труни,
 Бойкий мир смеется в цветку,
 Выходила на берег Катюша
 И держала вальсичко в руках.

Муромов.

Во многих музеях и библиотеках страны можно увидеть опаленные огнем, пробитые пулями и осколками снарядов, обгаренные кровью книги. Это книги-фронтовики - они горели, тонули, принимали на себя автоматные очереди и падали на землю вместе со сраженными читателями. Но, бывало, книги спасали солдат от гибели. Так, роман «Петр Первый» А.Н. Толстого, спрятанный под гимнастеркой Георгия Леонова, спас солдату жизнь, когда пуля застряла в толстом томе. Это было под Берлином. Но, еще более убедительными кажутся истории о том, как солдаты, забывая об опасности, собирали книги среди обгоревших, полуразрушенных зданий, организовывали в воинских частях библиотеки и в свободную от боя минуту перелистывали любимые страницы.

В это тяжелое для всей страны время не прекращался выпуск литературы для детей.

Дети военной поры, как могли, помогали взрослым приближать ПОБЕДУ, и очень часто вдохновителем и организатором их начинаний была именно книга .

Н.К. Чуковский вспоминал:
«В осажденном Ленинграде удивительно много читали, читали классиков и поэтов, читали в землянках и домах, читали на батареях и вмерзших в лед кораблях. Охапками брали книги у умирающих библиотекарей и в бесчисленных промерзших квартирах при свете коптилки читали, читали...»

- 2 марта 1942 года блокадный мальчишка Юра Маретин взял обычную школьную тетрадку, поставил цифру "1" и записал: "Жюль Верн. Пятнадцатилетний капитан". К концу войны тетрадей стало десять. Это был список книг, прочитанных мальчиком во время войны.
- По воспоминаниям скульптора Виктора Сергеевича Новикова, другой блокадный мальчик Серёжа Канцырев ещё до войны начал собирать "уважаемые", как он говорил, книги на полке над кроватью. К сожалению, Серёжа не дожил до прорыва блокады, умер от голода. В последний день жизни подросток не хотел, чтобы друг растопил буржуйку, отказался от кипятка. Единственным его желанием было услышать строки из любимой книги - "Том Сойер".

Поэт Н.С. Тихонов в октябре 1942 году в своем дневнике записал:

«В городе в огромном спросе книги. Освещенные керосиновыми лампами прилавки в магазине Госиздата, киоски старой книги на проспекте Володарского, столики с книгами и брошюрами, расставленные по всему проспекту 25-го Октября (в конце войны проспекту было возвращено его исконное название – Невский), - всегда окружены любопытствующими и ищущими. Книжные магазины полны покупателей. Все приезжающие с передовых позиций жадно устремляются за книгой».

Спрос на книги был достаточно широк.

Список книг, пользовавшихся в то время повышенным читательским спросом :

- Это книги о тактике партизан 1812 года;
- об устройстве подземных госпиталей ,
- об освоении боевой техники,
- о технологии изготовления пороха,
- о средствах против обморожения,
- о зимней смазке оружия и многом другом.

Пользовались спросом многочисленные «памятки», «программы», «наставления»:

- «Как бороться с зажигательными авиабомбами . Памятка»
- «Воздушные десанты и борьба с ними»
- «Друг или враг? Учись распознавать фашистские самолеты»
- «Уличные бои»
- «Некоторые вопросы тактики уличного боя»
- «Памятка о защите населения от артиллерийского и миного огня»

В годы войны издавались книги по технике, медицине, сельскому хозяйству, военно-политические, литературно-художественные.

Книги издавались малым форматом, для того чтобы можно было носить в карманах гимнастерки и прочитать в любое время.

В пожарищах смятенных дней,
Когда окоп – твоя могила,
Лишь перед смертью и видней,
Кто без чего прожить не в силах.

И в задыхающийся час
Атаки или обороны
Мне книга – пища и очаг,
Она – оружие и патроны.

О книги! Подняты они
Из мертвых танков, из окопов,
Из-под расплющенной брони
Непогребенных самолетов.

Они зывали стать смелей –
Они к восстанию зывали,
И их сжигали, как людей,
В печах Майданека сжигали.

Могилы братские - толпа
Погибших книг и пепла горстка...
О, книг солдатская судьба –
Судьба терпенья и упорства.

Б. Дубровин.